УДК 101.9

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ КАК ТИП ОСМЫСЛЕНИЯ ЖИЗНИ

© *Коломыц Дмитрий Михайлович*
кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Казанского федерального университета
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18
E-mail: rkolomits@list.ru

Статья посвящена рассмотрению вопросов существования и особенностей развития мифов в российском обществе XXI в. Вопреки распространенному мнению миф продолжает играть важную роль в картине мира народов. Миф является естественной частью духовной культуры человечества. В России особенностью мифотворчества является противоречивость общественной мифологии. Причина этого явления в том, что существующие мифологемы отражают идеологическое межцивилизационное противоборство и положение России в мире. Мифы и далее будут сопровождать научную, политическую и общественные области жизни, задача же состоит в том, чтобы они не носили в себе разрушительного идеологического и мировоззренческого заряда. Мифологическое сознание свободно включает в себя любые виды знания, если оно не противоречит соответствующему мировоззрению.
Ключевые слова: Россия, интеллигенция, духовная культура, миф, мифотворчество, история, идеология, общество, буржуазная культура, мифологическое сознание.

Мифологизация заключается в создании законченного вымышленного мира в какой-либо области действительности. В отличие от взглядов, миф выражает целостное отношение к предмету. Важной задачей является определение места мифа вне религиозной веры. В данной статье утверждается, что мифологичность сознания человека XXI в. с древних времен не изменилась. Тем более оно не зависит от уровня образованности. Поэтому говорить о более рацио-

нальном отношении интеллигенции к мифотворчеству не приходится. Более того, именно интеллигенция создает мифологию потому, что именно она осмысливает действительность. И некоторые, в том числе печальные итоги этого осмысления мы наблюдаем в СМИ ежедневно. Интеллигенция является выразителем народного самосознания. В своем творчестве оно выражает основные мировоззренческие подходы. Поэтому через созданные ею концепции передается основной набор распространенных в обществе взглядов. Вопрос заключается в том, чтобы определить, насколько в российском гуманитарном знании присутствует мнение о наличии или отсутствии закономерностей развития в историческом процессе. Взгляд на закономерности мирового развития важен потому, что касается особенностей миропонимания народа России. Именно понимание закономерностей исторического развития объясняет склонность мышления человека к большей научности или мифологичности.

При чтении публицистических и научных философских, исторических, культурологических и прочих работ российских гуманитариев выделяется два направления взглядов на прошлое. Первое – прошлое России темно и неразумно, второе – оно велико и загадочно. С первым направлением ассоциируется философия российского западничества, со вторым – российской самобытности.

Жизненность мифологем объясняется особенностями человеческого восприятия и объяснения мира. Суть в том, что миф непосредственно, а не символически выражает свое содержание. По мысли Б. Малиновского, миф – это «с большим трудом создаваемая активная сила, это не интеллектуальное объяснение или художественная фантазия, а прагматическое правовое основание первобытной веры и моральной мудрости» [5, 291–292]. К. Леви-Стросс обращает внимание на театральность представлений мифа. А именно, что миф связан с образами-масками [3, с. 35]. К. Кереньи писал, что «мифологический материал для народов и мифотворцев был и формой самовыражения, формой мышления и формой жизни» [13, с. 15]. Ссылаясь на Б. Малиновского, Кереньи делает вывод, что миф «воссоздает реальность в форме повествования» [13, с. 17]. То есть миф – особый вид выражения жизни. А. Маслоу также утверждал, что «…достаточно древнее стремление к смыслу обеспечивает полноту, которую используют организованные религии, чтобы утверждать, что они могут его дать» [6, с. 62]. То есть можно достичь истинного знания, а можно, что встречается постоянно, вос-

принимать свою историческую истину как абсолютную, испытывая те самые пик-переживания. Подход Маслоу показывает заложенную в любом мифе, учении, идеологии способность представлять себя как истину или выдавать за истину.

«Мы не можем знать природу досознательной психической предрасположенности», она, – по Юнгу, – проистекает из образов. Эти образы есть «выражение не только имеющей место формы действия, но и типичной ситуации, в которой это действие проявляется» [13, с. 215]. В. Вундт заметил в мифе его эмоциональный аспект. По его мнению, мифотворчество свойственно кризисному времени и обстоятельствам в истории человечества [1, с. 69]. К. Г. Юнга также привлекала полнота и выразительность мифа [12, с. 77], в котором скрывалось глубокое единство мира [12, с. 55].

Использование мифа для изучения современного общества оказывается весьма плодотворным. Мифотворчество вплетено в ткань человеческой культуры. Объявление борьбы с ним создает ощущение возможности избавиться от мифов. На деле это приводит в самом успешном случае заменой одних мифов другими. Е. Л. Яковлева пишет: мифы конструируют реальность, «что активно эксплуатируется в тоталитарных системах» [14, с. 112]. То есть миф соучаствует в создании мироустройства. На деле же в мире любой политический режим пользуется мифами. При «демократических» политических режимах мифы заполняют общественное сознание ничуть не меньше, чем при «авторитарных» и прочих режимах, во всех странах и во все времена. П. Фейерабенд предложил включить миф в исследование наряду с достоверными, позитивистскими источниками [11, с. 179].

Миф должен переживаться, проживаться. С этим согласен и Э. Кассирер, приводя слова Шеллинга: «настоящая мифология могла зарождаться лишь в самой жизни, она должна была быть пережита и испытана» [2, с. 19].

В связи с событиями на Украине произошло четкое разделение пишущей интеллигенции на два мировоззренческих подхода к закономерностям мирового развития. Насилие и война слишком близко подошли к границам России, чтобы оставить равнодушными население страны. Актуализировались все мифы о советской жизни, появившиеся еще в эпоху перестройки. Эти мифы появились в среде интеллигенции. Она стала их носителем о пропагандистом. В России распространено обращение к советской истории. Многие

авторы выстраивают свои концепции на основании советской мифологии, подаваемой как подлинная история. С этой точки зрения интересно рассмотреть некоторые из них. С самого начала своего проявления как общественной идеологии марксизм приобрел некоторые черты веры. В России и Советском Союзе атеизм и марксизм приобрели все черты религиозно-этического учения. Материализм ни в коей мере не стал помехой развитию этого процесса. Даже экономическая жизнь рассматривалась лишь как средство подтверждения догматов. Об этом достаточно много писалось и говорилось в последние годы.

Также в духовной составляющей советского марксизма напрямую присутствуют православно-народные нравственные представления и ценности. Это преобладание общественных интересов над личными и отрицание мещанства. Большое внимание и любовь к материальной стороне жизни как проявление культа вещизма осуждались. Здесь налицо противоречие между заявленной общественной целью достижения изобилия материальных благ и отрицанием стремления к этому изобилию на личном уровне. Это неизбежно приводило к раздвоению сознания у одних и выбору одной из двух ценностей как цели у других. Поскольку заявленное скорое достижение изобилия не предвиделось, то создавало у потребительски настроенного населения разочарование в своих ожиданиях. Сделанное в бытность руководителем СССР Н. С. Хрущевым заявление, что общественной целью является достижение материального изобилия как коммунизма есть крайняя вульгаризация марксизма, сведение его к чистому потребительству. Материальная сторона жизни для многих людей является главной для определения своего отношения к своей стране в целом. Особенно отличилась советская интеллигенция, запросы которой оказались значительно завышены из-за переоценки собственной значимости в жизни советского общества. Техническая интеллигенция, будучи малограмотной в исторических и философских вопросах, сравнивая уровень доходов «среднего класса» в странах Западной Европы и США и свой собственный, однозначно считала, что недополучает материальных благ. И виновато в этом руководство страны – партноменклатура, партия, правительство и т.д. Возник замещающий миф – о достижениях капитализма. При этом из него естественным образом выпал весь мир Африки, Азии и Латинской Америки. Поскольку советская интеллигенция считала себя равной именно Западу. Представители этой

общественной прослойки не задумывались о сложностях развития страны с более низкого уровня по сравнению со странами Запада, с отсутствием у страны колоний, которые можно грабить, о сложностях исторического пути страны в XX в., включавшим две больших войны (Первая мировая и Гражданская) и одной великой – Отечественной. Часть разложившейся советской элиты, для которой коммунизм как цель существовал только на бумаге или как способ посмеяться, использовала именно этот слой советского населения для поддержки своего курса перехода к капитализму. Но если этой части элиты КПСС после перехода к капиталистическим отношениям частная собственность дала богатство, то интеллигенция лишь утратила свой статус, а для большой части и само право так именоваться по причине потери места работы. Завышенные ожидания советской интеллигенции, мифологемы о собственной значимости и недооцененности стали почвой для расцвета антисоветизма, переросшего в дальнейшем в русофобию. Отсюда и пренебрежение к сельским жителям (вспомним выражение «колхозник», «деревня», или воспитание детей с суждением «будешь всю жизнь у станка стоять»).

Миф особенно ярко выражает себя с помощью символов. Как писал А. А. Потебня о значении символов: «есть целые области человеческой мысли, стоящие вне языка или выше его, – как замысел, план, идея художника или ремесленника, которые могут быть выражены только известным сочетанием форм, цветов, звуков» [8, с. 201]. Потебня говорит о символическом восприятии мира.

Российское западничество также опирается на язык символов, обращаясь к одним и тем же мифам, заимевшим уже свои символы в публицистике конца 80-х гг. XX в., то есть во времена перестройки. Мифы о России поддерживаются частью пишущих и телевизионных СМИ. Г. Г. Почепцов, описывая советские мифы в своей книге «Семиотика», впадает в искушение, объясняя одни мифы другими: следование лозунгам 1917 г. «угрожает биологическому выживанию человечества» [9, с. 224]. Для такого далекоидущего и всеобщего философского вывода нужно иметь очень глубокие основания. По сути Почепцов обвиняет советское общество в том, что оно угрожало человечеству – это вообще лишено всякого смысла. Никаких собственно доказательств, кроме лозунгов автор не приводит потому, что их нет у него в наличии. Показательно обращение Почепцова к телесному в советском искусстве. Он видит в этом об-

ращение советской идеологии к низменному в человеке как к действующему, но не думающему, как к упрощенной кальке отношения к человеку в целом и только как части государственной идеологии.

Само по себе обращение к телу ничего еще не значит. Важно содержание такого внимания. Достаточно вспомнить античную скульптуру или живопись эпохи Возрождения, эстетика которых держались на показе красоты и выразительности человеческого тела. В обоих случаях тело, наравне с лицом и сюжетом, было одним из главнейших образов выражения человеческого духа, стало его символом. По отношению к советскому искусству это также совершенно несправедливо. Обращение к телу не в гедонистическом, а в созидательном виде в советское время имело совершенно иную цель. Человек созидательный неотделим от труда. Труд же легче и проникновеннее олицетворяется телом. Показательна история со скульптурной композицией «детский хоровод» в Волгограде, которая была восстановлена в 2013 г. Эта скульптура осталась единственной уцелевшей после боев в Сталинграде в 1942 г. Ее решили восстановить для увековечивания памяти о тех событиях, хотя в советское время, во время восстановления Сталинграда, ее собирались убрать по причине художественной неценности. То есть идеология отошла на второй план. Поэтому утверждать обязательный приоритет идеологии в советском обществе при любых обстоятельствах является крайним упрощением, а потому ложью, приобретающей политическое значение.

В современной буржуазной культуре тело – способ заработать, тело – товар. По этому вопросу достаточно посмотреть высказывания Ф. Энгельса о сути брачно-семейных отношений при капитализме. Почепцов же видит в обращении к телу при социализме проявление тоталитарной идеологии. Однако современный показ тела, его постоянство и способы как раз и утверждают тело как источник буржуазной культуры. Например, порнография, эротика, конкурсы красоты. Везде тело выступает как модель для последующей продажи. Соответствие стандарту повышает цену данного тела, не соответствие – снижает вплоть до осмеяния. Соответствующее образцу тело становится символом успеха.

Обращение любой идеологии к телу вызвано естественной связью человеческого сознания и его тела. Например, Шпенглер писал, что тело – существенная характеристика бытия вообще [4, с. 67].

Идеологи лишь используют эту связь в различных соотношениях. В то же время либеральная западная идеология использует гей-парады для продвижения собственных ценностей. А как хорошо видно, гей-парад представляет собой прежде всего показ своего тела представителями этого полового отклонения.

Отношение к телу сильно различается в различных культурах и исторических сообществах. Естественно, при социализме это отношение качественно разнилось и с буржуазным отношением к телу, и с христианским. Почепцов же осуждает показ в советском искусстве мускулистого тела рабочего и преклонение перед физическим трудом в пропаганде коммунистического строительства. Он поддерживает миф о порочным обращение к телу при социализме в ущерб умственному труду. Однако в буржуазном обществе XXI в. культ тела используется гораздо мощнее и изощреннее. СМИ и интернет буржуазного общества заполнены телесным, почти вся реклама использует тело.

Если присмотреться к причине обращения к физическому труду, то она видится в ясности затраченных усилий тела, воли и разума. Идеологическая цель достигается гораздо быстрее, чем предаваться попыткам объяснить сущность труда через усилия интеллигенции. Человек обретает смысл жизни и деятельности, а далее действует на пределе человеческих возможностей, в порыве достигая цели. Тело здесь не есть стремление показать человека из низов – рабочего и крестьянина. Тело здесь попытка утвердить осмысленность жизни, соединение душевного порыва и усилий. Тело здесь есть проявление творческого начала, его пробуждение. Социалистическое искусство 20-30-х гг. XX в. уловило ту же революционность тела, какую мы видим в искусстве эллинской античности и Возрождения. Тот же самый посыл о подлинности красоты только при соединении тела и духа. Красивое тело есть начало, источник силы и способ достижения цели. Тело не отвергает творчество. Здесь явно виден обратный посыл: творчество показывается через тело. Во всех выдающихся произведениях этого времени мы видим душевный порыв. Взять хотя бы те самые скульптурные композиции советских парков культуры: горнист, девушка с веслом и т.п. Достаточно очевидно в них проявляется именно душевная устремленность. По Почепцову, в советском искусстве в женщине отсутствовала собственно женщина: от скифской бабы к женщине с веслом и Родине-матери [9, с. 309–310]. Опять поверхностный подход. Скифская ба-

ба вообще не женщина, девушка с веслом – это именно девушка, а Родина-мать – символ страны, ведущей войну. Родина как материнский символ земли, и Отечество как отцовский – это глубокие мифологические символы, восходящие к началам языка. В целом скифская баба, девушка с веслом и Родина-мать разнотиповые образы. То есть они не сравнимы.

На примере мифа о телесности при социализме можно сделать вывод, что новейший миф начинается с утверждения. На основании этого утверждения может быть выстроено следующее и последующее. Эта последовательность может тянуться неопределенно долго. Миф может начинаться словами: «как хорошо известно…» и далее по замыслу.

Возьмем двух писателей из одной их многочисленных книг времени перестройки. Их произведения можно считать типичными с точки зрения мировоззрения авторов этих книг. Для привлечения внимания, от лица советской интеллигенции Г. Померанц предложил снова заняться решением мифологического вопроса, символически узнаваемого как «кто виноват?» и «что делать?». По мнению Г. Померанца, «утопия (социализма – *Д.К.*) пришла в Россию с Запада. Но Россия не была европейской страной, а только европеизированной». Из этого следовало у него то, что для Запада она была игрой, а «Россия, увлекаемая призраком окончательного решения мировых вопросов <…> застряла…» [7, с. 217]. Померанц написал, что советская «идеология практически держалась на общей ненависти, на образе врага» [7, с. 218]. Приводить какие-либо доказательства этой ненависти с тех пор за почти 30 лет никто не удосужился. Померанц писал о необходимости дальнейшего размежевания народов в Советском Союзе потому, что «призрак имперского величия, которым Сталин поманил русский народ, ничего этому народу не дал, кроме нищеты и нравственного оглушения» [7, с. 323]. «Советская пропаганда, десятки лет разжигавшая пламя антиколониальных движений, пожинает свои плоды: вспышки интифады начались в нашей собственной Азии» [7, с. 324].

Совершенно мифологическая картина мира Померанца замешана на типичных и обычных антисоветизме и русофобии. В мифологическом времени западников, либералов и всех сторонников антисоветизма есть два временных отрезка, которые непосредственно следуют друг за другом: сталинский режим – современность (имеется в виду время, когда данный автор писал свой труд). Соответственно

утверждается, что ничего с тех пор не изменилось потому, что между ними никакого другого времени не было. «Страшным результатом сталинского террора было не только уничтожение людей, но и дегуманизация оставшихся в живых, потеря ими человеческого облика», – писал в том числе по этому поводу В. Турчин [10, с. 586]. Возводя собственные взгляды в ранг философских умозаключений, Турчин дает оценку всему советскому обществу: «Нравственность. Совесть. Честь. Странное у нас отношение к этим понятиям. Нельзя сказать, что мы отрицаем их вовсе… Но мы считаем их несерьезными, старомодными, “немарксистскими”» [10, с. 567]. Мифология западников Померанца и Турчина – обычные и ничем не подкрепленные суждения авторов остаются неизменными в произведениях писателей этого и схожих направлений уже около 30 лет. Это представления о России как недостаточно европейской стране, о Советском Союзе как нищем государстве и колониальной империи, о русском народе как недочеловечном (безнравственным, бессовестным, тем, кого стали называть «совком»). Поскольку миф должен переживаться, то содержание мифа должно воздействовать на чувства, именно возбуждать сильные переживания, в обход рассудка и логических рассуждений. Все приведенные здесь примеры имеют одно основание – вызвать переживания возмущения, жалости и собственной вины. Тогда человек должен отринуть все, что вызывает у него подобные чувства.

Миф может сложиться на основе как ложных, так и истинных представлений. Истина, лежащая в основе мифа, может потерять доказательность и проверяемость. Истина замещается чистой верой и становится полноценным мифом. Политические мифы, в основном, создаются сознательно. Поэтому их сложение чаще подчиняется логике своих создателей. Миф строится на идеологической задаче. Его зависимость от политической культуры проявляется всегда достаточно ярко.

Противоречия двух подкультур в российском обществе весьма заметны именно в области политической культуры. Среди сторонников левой идеологии, в противодействие политическим мифам современной буржуазной элиты, распространяются мифогизированные представления о советском прошлом. На примере современной жизни многим людям уже не требуется подтверждения своим словам о лучшей жизни в СССР: уверенность в завтрашнем дне, социальная защищенность, доступность бесплатного лечения и об-

разования и многое другое. При этом недостатки советского времени отходят на задний план или забываются. Противоположные идеологические мифы опираются на выборочные исторические отрезки советского прошлого, представляемые крайне однобоко – гражданская война, репрессии 1937 г., потери в Великой отечественной войне, цензура и пр.

Внешне остается открытым вопрос: «Почему мифы часто сильнее науки?». Можно говорить о мифологическом сознании как самостоятельном явлении. Оно обладает всеми свойствами цельности, то есть может существовать самостоятельно и полноценно. Прежде всего, мифологическое сознание, как и все иные виды мышления и познания, опирается на некоторую веру. Благодаря этому имеет внутреннюю силу убеждения, опирающуюся на свойственное данному мифу миропонимание. И, в конечном итоге, служит руководству к действию, то есть способствует укреплению этого мировоззрения. Мифологическое сознание свободно включает в себя любые виды знания, если оно не противоречит соответствующему мировоззрению. И еще мифологическое сознание обладает достаточной гибкостью, чтобы свободно подключаться к другим видам мышления и познания, дополняя их в тех областях, где образуются лакуны непознанного. Этому способствует и наука и идеология. Они нуждаются в мифах потому, что не могут ответить на все вопросы и убедить массы людей в истинности всех представляемых воззрений без значительной доли веры, цельно выражаемой в мифологемах.

Таким образом, речь идет о том, насколько общественное сознание подчинено мифотворчеству, основанному на ложных фактах. И на этом основании встает вопрос о важности опоры мировоззрения на доступную в конкретно-исторических условиях истинность.

Литература

1. Вундт В. Очерки истории психологии. – М.: 1997. – 229 с.
2. Кассирер Э. Философия символических форм. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 280 с. – Т.2.
3. Леви-Стросс К. Мифологики. Сырое и приготовленное. – М.: Флюид, 2006. – 399 с.
4. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.
5. Малиновский Б. Избранное: динамика культуры. – М.: Росспэн, 2004. – 959 с.

6. Маслоу А. По направлению к психологии бытия. – М.: Эксмо-Пресс, 2002. – 272 с.
7. Померанц Г. Живые и мертвые идеи / Погружение в трясину (анатомия застоя). – М.: Прогресс, 1991. – С.311–345.
8. Потебня А. А. Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
9. Почепцов Г. Г. Семиотика. – М.: Рефл-бук, 2002. – 432 с.
10. Турчин В. Тоталитаризм / Погружение в трясину (анатомия застоя). – М.: Прогресс, 1991. – С.575–601.
11. Фейербанд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – 542 с.
12. Юнг К. Г. Архетип и символ. – М., 1991. – 956 с.
13. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. – М.: Совершенство, 1997. – 384 с.
14. Яковлева Е. Л. Игровая природа мифа и современная культура. – Казань: ИЭУП, 2011. – 168 с.

MYTHOLOGIZATION OF REALITY AS A WAY OF COMPREHENDING LIFE

Dmitry M. Kolomyts
PhD in Political Sciences, A/Professor, Department of International Relations and Foreign Regional Studies, Kazan Federal University
18 Kremlevskaya St., Kazan 4200008, Russia
E-mail: rkolomits@list.ru

The article considers existence and specific characteristics of myths development in the Russian society of the 21st century. Contrary to a popular belief myths continue to play an important role in the way people perceive the world. Myth is a natural component of a spiritual culture of people. In Russia creating myths has a specific feature – its contradiction to social methodology. The reason for this is that the existing mythologemas reflect the ideological confrontation of civilizations and Russia's position in the world. Myths will persist in the academic, political and social spheres of life, however they should not contain a destructive ideology.
Keywords: Russia, intelligentsia, spiritual culture, myth, mythogenesis, history, ideology, society, bourgeois culture, mythological consciousness.